

Каспиан с удивлением обнаружил, что первый уровень Аврондейльской шахты был на самом деле вовсе не шахтой, а домом, построенным в скальной породе.

Из того, что он понял, у семьи Хитклифф не было достаточно денег, чтобы владеть и шахтой, и особняком, поэтому они построили свое поместье внутри горы, которая держала их шахту. Каспиан должен был признать, что это была довольно остроумная идея. Если отбросить нелюбовь к дворянам, он мог, по крайней мере, уважать тех, кто проявлял ум.

- Это вестибюль, - Моррисон широким жестом указал на маленькую комнату, в которой они стояли, чтобы лучше показать декадентское величие. Белый мрамор блестел на свету, словно только что отполированный. Дорогие статуи красивых мужчин и женщин выстроились вдоль стен, действуя как колонны, их руки были подняты в праздничном покое. По обеим сторонам комнаты стояли двери, каждая из которых была украшена золотыми узорами, алебардами, мечами и щитами, изображающими воинов, сражающихся с ужасными монстрами.

Каспиан узнал мотив, врезанный в дверь. Это было одно из многих исторических событий Террарии, произошедших до прихода к власти Сильвии де Флорески.

До колдуний было время эльфов. Тогда эльфы правили людьми. Они были хозяевами, а люди - рабами. В это время существовал и другой вид - орки. Это были злобные антропоморфные существа, лишь отдаленно напоминавшие эльфов. Ходили легенды, что когда-то они были эльфами, но позволили злу войти в свои сердца, развращая их и превращая их тела в бесформенных зверей.

История, рассказанная на двери, была той, в которой эльфы, не желая окровавить себя, заставили своих рабов - людей сражаться за них. На двери была изображена первая битва той войны, которая была известна как война Урука Вэна, предположительно названная в честь лидера орков.

- Пойдемте, - Моррисон направился к двери, - позвольте мне показать вам остальную часть моего поместья.

Прихожая вела дальше в дом, который представлял собой сеть коридоров, заполненных дверями. Каждая дверь вела в другую комнату, предназначенную для других целей. Несмотря на свою роскошь, особняк, похороненный внутри горы Аврондейл, был довольно маленьким, имея только 26 комнат. Однако эти 26 комнат были экстравагантными во всех отношениях.

Каждая комната, в которую они входили, была украшена произведениями искусства, а потолок украшали золотые инкрустации. На стенах висели картины известных художников, пейзажи и портреты важных исторических личностей. Мягкая кожаная мебель стояла вокруг столов, вырезанных из экзотического дерева. Ковер был бархатным, и сапоги Каспиана утопали в нем, словно он ступал на сочную траву. Каждая комната стоила больше, чем простолудин зарабатывал за всю свою жизнь.

Интересно, пытается ли Моррисон компенсировать недостаток размеров своего дома экстравагантными украшениями и дорогими произведениями искусства?

- Моррисон, - раздался отчетливый голос, когда они шли по коридору.

Каспиан повернулся вместе с остальными и увидел двух человек — девушку и женщину, — идущих к ним.

Светлые волосы рассыпались по ее голове красивыми, похожими на сверла локонами. Великолепное лицо, застывшее в холодной маске высокомерия, улыбалось с надменностью, которую Каспиан привык ожидать от аристократов. Женщина шла с изяществом, ее шаги были изящны, женственны и идеально отмерены. Это была очень чопорная походка, но, с другой стороны, учитывая ее роскошное и несколько пафосное фиолетовое платье, Каспиан предположил, что вполне естественно, что кто-то вроде нее ходит так, будто у него что-то неприятное засунуто в прямую кишку.

Её за руку держала маленькая девочка, которая не могла быть старше пяти или шести лет. Светлые волосы, такие же, как у ее матери, падали вокруг головы гораздо менее грациозно, но оставались совершенно прямыми и странно блестели. Любопытные голубые глаза, направленные на пришельцев, были широко раскрытыми и круглыми. В них светилась невинность, присущая только ребенку. На девочке было платье из дорогого шелка, ярко-розовое и блестящее на ходу. Это делало ее похожей на девушку, пытающуюся играть принцессу.

- Моррисон, дорогой. Ты... о? У нас гости. - Глаза женщины похолодели, когда она увидела Эрику, но она все равно поклонилась. - Леди Эрика. Я не знала, что вы придете.

- Мне нравится время от времени проводить внезапные проверки. Важно держать людей в напряжении, вы понимаете. - Улыбка Эрики была гоблинской, с острыми зубами и оскаленным ртом. Благородная женщина прищурила глаза и стиснула зубы, сжав губы, которые превратились в плоскую темно-красную линию.

Каспиан чувствовал, как между ними нарастает враждебность, почти физическое проявление взаимной ненависти. Это было похоже на то, как будто они пытались ударить током друг друга своими глазами.

Почему они так ненавидят друг друга? Каспиан недоумевал, пока не взглянул на Моррисона и не понял, что тот смотрит на задницу Эрики. Ах, вот почему.

- Тетя Эри! Тетя Эри!

Напряжение рассеялось, когда девочка, поняв, кто стоит перед ней, отпустила руку матери и подбежала к Эрике, которая засмеялась и взяла ребенка на руки.

И в этот момент Каспиан увидел то, чего не ожидал увидеть.

Глаза Эрики, обычно полные такого же высокомерия и презрения, внезапно потеплели и засверкали. Он никогда раньше не видел у нее таких нежных глаз. Ее лицо тоже смягчилось, стало нежным и заботливым. Безмятежная улыбка, изогнувшая ее губы, была в тысячу раз красивее, чем эгоистичная ухмылка, которую она обычно носила. Каспиан закрыл глаза, чтобы не смотреть слишком долго, иначе у него перехватит дыхание.

- Ну, здравствуй, Кристал. Ты была хорошей девочкой?

- Конечно, - сказала Кристал властно - или настолько властно, насколько это может звучать в устах ребенка. - Я всегда хорошая.

- Неужели это так?

- Ага.

- Тогда у меня нет другого выбора, кроме как поверить тебе. И посмотри, как ты выросла с тех пор, как мы виделись в последний раз. Сколько тебе сейчас?

- Мне четыре! - гордо заявила Кристал.

- Вот это да! Вот именно. У тебя был день рождения два месяца назад, если я не ошибаюсь.

- Совершенно верно. - Кристал скрестила руки на груди и надула губы. - Тетя Эри не пришла на мою вечеринку.

Эрика почти с любовью погладила девочку по волосам.

- Прощу прощения. У меня было срочное дело. Однако, чтобы компенсировать это, я принесла тебе подарок.

Каспиан с опаской посмотрел на женщину, вероятно, мать Кристал. Она кипела от злости. Ее кулаки дрожали. Она была в перчатках, но Каспиан представил, как кровь отливает от ее пальцев, делая их белыми как кость. Но она ничего не сказала. Эрика была колдуньей, и грубость по отношению к колдунье могла закончиться для нее очень плохо.

Кристал широко раскрыла глаза.

- Неужели?

- Конечно.

Каспиан почти успокоился, когда Эрика потянулась к декольте. Когда Элрик и Моррисон уставились на ее вздымающуюся грудь, их глаза вылезли из орбит, он почти сделал это. Он почти накричал на них за то, что они извращенцы, но на самом деле, он не мог винить их за то, что они пилились. Если бы он не привык к похотливым выходкам Эрики, то оказался бы в том же положении.

- Вот ты где. - Эрика вытащила маленький кристалл и вложила его в руку девочки.

- В чем дело? - Кристалл уставилась на кристалл, лежащий у нее на ладони.

- Это специальное устройство, используемое, чтобы содержать несколько изображений. Давай, потри и посмотри, что получится.

Маленькая девочка сделала так, как сказала Эрика, и потерла кристалл с одним пальцем. Каспиан чуть не подпрыгнул, когда кристалл вспыхнул и на стену спроецировалось изображение. Это был образ Эрики в дорогом вечернем платье из черного шелка, с бокалом вина в руке.

И... У меня нет слов, чтобы выразить, насколько это невероятно высокомерно. Каспиан потер глаза.

«Интересно, поможет ли удар лицом о стену забыть последние шестнадцать секунд моей жизни?»

- Это так круто, - взвизгнула Кристал.

Радостный смех Эрики наполнил воздух.

- Не так ли? С прошедшим днем рождения.

- Спасибо, тетя Эри!

Кристал обнимала Эрику, пока мать не вырвала ее из рук черноволосой колдуньи. Девушка слегка поежилась, но женщина шикнула на нее.

- Моррисон, дорогой, ты знаешь, где Лизандер? Я никак не могу его найти, а ему пора на урок этикета.

- Я видел его пол часа назад. Я думаю, он снова пытался проникнуть в шахты.

Женщина вздохнула.

- Честное слово, этот мальчик... - Она покачала головой. - Что ж, раз вы заняты, я пойду. Леди Эрика. - Еще раз поклонившись — хотя Каспиан не мог не подумать, что ее действия были скорее грубыми, чем уважительными — благородная женщина ушла, повернувшись на каблуках.

- Пока, пока, тетя Эри! - Кристал помахала Эрике, а та радостно улыбнулась и помахала в ответ. Когда девочка и ее мать ушли, она опустила руки, на ее лице появилось насмешливое раскаяние.

- Похоже, я все еще не нравлюсь твоей жене, - вздохнула Эрика и положила руку на голову, как будто это причиняло ей боль. - Такая ложная ненависть. Я не думаю, что когда-либо причинила ей вред, и уж точно не сделала ничего такого, что оправдывало бы такую враждебность.

«Если не считать того, что нечаянно соблазнила ее мужа».

- Прошу прощения за поведение Амерелии, - сказал Моррисон. - Я не знаю, что с ней не так.

«Да», - подумал Каспиан с кривой усмешкой. - «Она расстроена, потому что ты проводишь больше времени, глядя на грудь Эрики, чем на ее».

- О, не беспокойтесь об этом. Похоже, многие женщины меня не любят. Ревность - это такая отвратительная эмоция. О-хо-хо-хо! - Эрика поднесла руку к лицу, запрокинула голову и надменно рассмеялась.

- Не смей так смеяться! - Крикнул Каспиан.

Вскоре экскурсия продолжилась. Моррисон и его сын повели их к лифту, недавнему сооружению, построенному с помощью ряда рычагов и блоков, приводимых в действие машиной, работающей на кристаллах Духа. Лифт зашипел, гидравлика ожила. Каспиан успокоился, когда их комнатка затряслось, прежде чем лифт начал медленно и неуклонно спускаться.

Когда они спустились на нижние уровни, Каспиан бочком подошел к Эрике.

- Ты была ужасно мила с этой девочкой.

К ее чести, лицо Эрики оставалось совершенно бесстрастным.

- Да, полагаю, что так оно и было. Тебя это удивляет?

- Конечно, да. Я не ожидал увидеть, что ты проявишь доброту к кому-то.

- Такая быстрая реакция, - пробормотала Эрика. После этого прошло мгновение молчания, прежде чем она с удивительной медлительностью взглянула на него, ее губы очертили изящную дугу, которая была бы прекрасна, если бы не опустошение, омрачающее ее глаза. - Ты, наверное, знаешь, что я не могу сама рожать детей и потому питаю к ним особую любовь.

- Ах.

Каспиан отвернулся, не в силах вынести столько горечи в глазах Эрики. Он почти забыл о цене, которую заплатили Эрика и другие колдуньи, чтобы стать самими собой: бессмертие и невозможность иметь детей. Он не ожидал, что Эрика будет вести себя по-матерински, но, возможно, это было связано с его восприятием Эрики, которую он теперь знал.

Возможно, женщина, которая смотрела на других глазами, полными эгоизма, когда-то хотела иметь ребенка. Возможно, у нее даже был кто-то, кого она любила, мужчина, с которым она хотела создать семью. Он не знал. Они это не обсуждали, и ему было неудобно спрашивать.

Как бы то ни было, Каспиан мог ей посочувствовать. Прежде чем этот аристократ чуть не утопил его, он сделал бы все, чтобы заполучить хотя бы одного друга. Он знал, что сейчас это невозможно, но иногда, только иногда, желание иметь друга жгло его сердце. Это было то, чего он хотел долгое время и, в конце концов, отказался от этого, или так он продолжал говорить себе. Однако, он имел дело с этой болью уже около пяти лет. Эрика веками терпела боль от невозможности иметь детей.

Каспиан почувствовал, как что-то острое вонзилось ему в грудь, почти физическая боль, словно кинжал в сердце.

«Почему я хочу облегчить ее бремя?»

Не только бремя Эрики, но и то, которое должны нести все колдуньи. Никто не должен так страдать. Никто не должен хотеть чего-то настолько сильно, что это причиняет боль, и все же быть неспособным достичь этого. Это было неправильно.

«Но ведь я ничего не могу сделать, правда?»

Превращение в колдунью коренным образом изменило генетическую структуру женщины. Чтобы разместить духов внутри своих тел, колдуньи отказались от способности рожать детей. Даже если колдунья никогда больше не призовет Духа, это ничего не изменит. Просто став колдуньями, они отказались от этой способности.

«Я совершенно бессилен что-либо сделать».

Впервые за долгое время Каспиан почувствовал безнадежность своего бессилия. Не имело значения, насколько он силен или насколько искусен в обращении с мечом. У него не было сил помочь колдуньям вроде Эрики, которые хотели иметь детей, которые хотели влюбиться, но не могли из-за их бессмертия и бесплодного чрева. Он был полностью, полностью и безоговорочно бессилен.

«Ненавижу это».

Остаток пути прошел в молчании

<http://tl.rulate.ru/book/24513/518704>